УДК 294.3
DOI: 10.30792/2949-5768-2024-8-86-93

Л. Л. Абаева

НАУЧНЫЕ ИДЕИ И СМЫСЛЫ В КОНТЕКСТЕ БУДДИЙСКИХ ТЕОРИЙ И ПРАКТИК МОНГОЛЬСКИХ НАРОДОВ (ХАМАГ МОНГОЛ)

Автор данной статьи, во-первых, пытается доказать, что в такой древней и высокоорганизованной конфессиональной структуре, как буддизм, уже имелись и научные подходы, и научные методы познания тех или иных феноменов материального и нематериального миров. Монгольские народы (Хамаг Монгол), как классические представители кочевой цивилизации, не только достаточно активно и успешно адаптировали некоторые философские постулаты и символы буддийской культуры, но и довольно успешно восприняли ее практические реалии.

Ключевые слова: буддизм, монгольские народы, наука, физика, философия, практика.

L. L. ABAEVA

SCIENTIFIC IDEAS AND MEANINGS IN THE CONTEXT OF BUDDHIST THEORIES AND PRACTICES OF THE MONGOLIAN PEOPLES (KHAMAG MONGOL)

The author of this article, firstly, tries to prove that in such an ancient and highly organized confessional structure as Buddhism there were already scientific approaches and scientific methods of knowing certain phenomena of the material and immaterial worlds. The Mongolian peoples (Khamag Mongol), as classical representatives of the nomadic civilization, quite actively and successfully adapted not only some philosophical postulates and symbols of Buddhist culture, but also quite successfully perceived its practical realities.

Keywords: Buddhism, Mongolian peoples, science, physics, philosophy, practice.

Автором этой статьи уже затрагивались актуальные феномены теоретических постулатов физики и механики, вовлеченных в сферу понимания и восприятия пространства и времени монгольскими народами в век-

Абаева Любовь Лубсановна – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Федерального государственного бюджетного учреждения науки Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (г. Улан-Удэ, Россия).
E-mail: luba-abaeva@mail.ru.

торе буддийских теорий и практик в контексте современной науки [Абаева, Цыдендамба 2018: 136–149]. Физика в контекстуальном ее понимании – наука, исследующая простейшие и вместе с тем наиболее общие закономерности явлений природы, свойства и строения материи и законы ее движения. Как известно, термин «физика» происходит от греческого **«physis»** – природа. Наука, в объяснении Большой Советской Энциклопедии, выступает «сферой человеческой деятельности, функцией которой является выработка и теоретическая систематизация объективных знаний о действительности; одна из форм общественного сознания» [БСЭ 1974: 956]. Главной, основной и непосредственной целью европейской, в том числе и российской академической науки, является, как правило, описание, объяснение и предсказание процессов и явлений действительности, происходящих в социуме, природе, окружающей среде и вокруг нее, вырабатывая тем самым составляющие и компонующие векторы законов и закономерностей теоретически и практически отражающих действительность. Каноны буддийской теории и практики, в особенности практики, на наш взгляд, также рассматривают и непосредственно объясняют те же процессы в целом, и в достаточно комплексном варианте.

Буддизм, как целостное учение в своих теоретических постулатах и практических презентациях, надо отметить, прежде всего, в своей основе имел собственные представления о науках. Так, например, внутри буддийской религиозно-культурной системы уже существовали «Пять больших наук» и «Пять малых наук». К «Пяти большим наукам» относились и до сего времени относятся искусство, грамматика, медицина, логика и так называемые «внутренние науки», включавшие в свой контекст махаянские дисциплины и тантру. К «Пяти малым наукам» буддийская традиция относила астрологию, поэзию, ритмику, лексикографию и драматургию.

Как религиозно-философская и культурная комплексная система, буддизм, несомненно является феноменом социальной жизни, имеющим и обладающим фундаментальной и целостной системой символов, действующих на настроения, эмоции и поведение своих непосредственных адептов. Буддизм продолжает в настоящий период представлять собой систему взглядов и практик, соответственно которым этот социальный институт состоит из культурно обусловленных форм взаимосвязей и контактов не только с материальными, но и метафизическими категориями. В обществе, являющемся адептом буддизма, он несет в себе интегрирующую функцию

и продолжает играть важную роль в объяснении сложных и трудноконтролируемых явлений, а также в разрешении многих проблем, которые все еще пока недоступны для научного знания и современных технологий.

Одной из особенностей буддизма, а также его универсальной категорией, по мнению многих буддологов, является также и то, что «национально замкнутая религия была бесполезной, ибо она разделяла людей, принадлежащим к различным этнокультурным мирам, на «своих» и «чужих» [Ермакова, Островская 1999: 279]. Авторы при этом подчеркивают: «Особенность буддизма состояла в том, что он распространялся силой *проповеди*, а не огнем и мечом. Как правило, в процессе продвижения Дхармы за пределы Индии участвовали не только миссионеры-проповедники, но и переводчики Слова Будды, знатоки философского диспута, мастера-тантрики. Они пристально изучали местные этнокультурные традиции, стремясь переосмыслить их в буддийском духе – придать новый статус прежним божествам, интегрировать их в буддийский пантеон. Это и положило начало формированию буддийских традиций в различных историко-культурных регионах мира» [Там же]. И здесь трансляция буддийской канонической литературы на тибетский, китайский, японский и монгольский языки создали, на наш взгляд, ту **уникальную буддийскую** культуру в регионах Центральной Азии и Дальнего Востока, которая в современный период ассоциируется с этносами, населяющими данные регионы, с их **этнокультурной идентичностью.**

Удивительно, но только в начале XX в. в физике, уже считавшейся точной наукой и относящейся к естественным наукам, отделившимся от блока гуманитарных наук, становится ясно, что динамика электронов требует коренного пересмотра представлений о пространстве и времени, лежащих в основе классической механики Исаака Ньютона. В 1905 г. Альберт Эйнштейн создает **теорию относительности – новую теорию о пространстве и времени.** Открытие частной теории относительности показало ограниченность механической картины мира. Некуда было пристроить такую философскую категорию, как «эфир». В 1916 г. тот же Альберт Эйнштейн сформулировал **общую теорию относительности** – физическую теорию пространства и времени, которая положила начало релятивистской и квантовой физике. Возникает квантовая теория, основная идея которой состоит в том, что атомы выпускают свою энергию не непрерывно, а пучками. Не вдаваясь в излишние физические подробности, хотелось

бы лишь отметить, что в буддийской философии и практиках все эти теории относительности пространства и времени, корпускулярная и атомистическая теории уже были заложены в самом начале. Правда, разные школы буддийских практик интерпретировали и комментировали **картину мира**, а также **феномен дхармической теории** по-разному. Однако же, все школы тибетского буддизма **признавали присутствие дхарм как мельчайших частиц и их движения, в результате перестроения или изменения позицийкоторых может меняться материальный мир, человечество в целом и человек в частности, как индивидуальный представитель этого социума.**

Буддийская культура, сложившаяся еще до нашей эры с возникновением Учения Будды, имеет, конечно же, свои дифференцирующие и консолидирующие функции в странах своего распространения. При этом, одной из лидирующих и доминирующих цивилизационных особенностей буддийской культуры являются ее интеграционные возможности. Этноинтегрирующий фактор буддийской культуры четко фиксируется в его антропоцентрийской, метаэтнической, универсальной направленности, а такжев духовной гармонии, нравственном самосовершенствовании, милосердии, сострадании и четкой иерархии конфессионального пантеона во главе с основателем буддизма – Буддой. Как особая специфическая знаково-символическая система, буддизм и основанная на его символах буддийская культура со всеми материальными и сакральными атрибутами, имеющими свои свойства и направления, играла и продолжает играть в цивилизационном отношении огромную роль в консолидационных и адаптационных процессах монголосферы [Абаева 2021: 189].

При рассмотрении всей структуры буддийской культуры со всеми категориями, вытекающими не только из универсального, общечеловеческого и гуманистического характера учения Будды, но и зафиксированного на протяжении тысячелетий Канона, существующего не только в письменной религиозной классической литературе, но и в фольклорной традиции каждого этноса, ставшего адептом буддийской религиозной традиции, видны следы тех процессов, которые в современный период приобретают особую актуальность. Буддизм с самого начала своего возникновения и последующего распространения в историко-культурном пространстве сопредельных территорий всегда учитывал этнокультурные и конфессиональные особенности конкретных этносов. Еще Л.С. Васильев отмечал,

что «именно религия и санкционируемая ею традиция во многом определяют облик той или иной цивилизации» [Васильев 1983: 8].

Космологические стереотипы, фиксирующие картину мира в регионе Центральной Азии представляют собойдва больших, устойчиво связанных между собой этнокультурных анклава – общетибетский и общемонгольский, настолько тесно взаимодействующие и взаимосвязанные, что возникает обще-центральноазиатская метакультурная конфессиональная традиция, создавшая специфическую, неповторимую и уникальную культуру, фиксирующую при этом особый **архетип** как устойчивую форму восприятия, адаптации и трансляции своих архетипов и ценностей. Социальная идентификация этих общностей, населяющих регион Центральной Азии (тибетская этническая общность с двумя различными типами хозяйственно-культурного типа: оседлой земледельческой культурой в низовьях Тибета и кочевой динамичной культурой в горных его районах; монгольская метаэтническая общность с кочевым динамичным устройством жизнеобеспечения) представляла собой неразрывный и стабильный континуум в пространстве и времени, обеспеченный в результате развития их космологических представлений в синхронном и диахронном срезах [Абаева 2021: 181–192].

Феномен адаптации буддийской культуры, являющейся и в настоящее время доминирующей религиозной традицией в Монголии, Внутренней Монголии КНР, республиках Российской Федерации – Бурятии, Калмыкии, Тыве, прежде всего, на наш взгляд, заключается в том, что эта религиозная культура, как система, уже на ранних этапах включала и несла в себе совокупность всех знаний о человеке, его поведения в психической и психосоматической перспективе, психоаналитические характеристики и парапсихологические возможности, которые вплоть до настоящего времени импонируют современному монгольскому социуму. Потенциальные возможности монгольского общества не только воспринимать и адаптировать буддийские традиции, модернизируя собственные традиционные этнические религиозные нормы, обряды и ритуалы и трансформируя их, выдвинув пантеон буддийских божеств как приоритетные, достаточно высоки. Буддизм со своей теорией и практикой, философией, медициной, астрологией, книгопечатной культурой, институтом наставничества, возможно, явился той самой культурной доминантой, которая, инкорпорировав многие добуддийские религиозные традиции, сыграла и до

сих пор продолжает играть огромную роль в этнокультурной консолидации монгольских народов [Абаева 2015: 52–56].

Реализация логистического содержания статьи позволяет и вынуждает затронуть возникающую время от времени, но постоянно незримо присутствующую в векторе контактов корпуса науки и религии, личность исследователя той или иной религиозной традиции, в особенности буддизма.

Очень образно и ярко об исследователях религиозных традиций мира написано в известной коллективной работе «Религиозные традиции мира», изданной Байроном Г. Иерхатом и переведенной на русский язык издательством «Крон-Пресс» в Москве в 1996 г. Это работа состоит из 10 самостоятельных монографий, объединенных в 2 тома [Религиозные традиции мира 1996].

Описывая ученого, исследующего те или иные религиозные культуры, авторы указывают: «Ученого-религиоведа от обычного человека отличает сознательно принятое решение изучать религию основательно и систематически. Поскольку никто не может приобрести исчерпывающие знания обо всех религиях сразу, то в среде религиоведов неизбежно возникает «разделение труда»: каждый ученый должен совмещать широкий кругозор в области многих религий с глубоким знанием одной из них или нескольких, тесно связанных друг с другом» [Там же: 11].

На самом деле, как утверждается там же, никто не может полностью овладеть даже тем объемом знаний, который относится лишь к одной религии, так как каждая из них представляет собой слишком сложный предмет для изучения. Однако, все же ученый-религиовед «бросает вызов невероятным массивам информации и стремится узнать по возможности все, что ему доступно, о религии вообще и об одной или нескольких отдельных религиях в частности» [Там же: 11]. Естественно, при этом ученый должен знать язык той религиозной культуры, «чтобы самостоятельно читать священные тексты соответствующей религии и беседовать с ее приверженцами и специалистами» [Там же].

Небезынтересен и тот факт, что религиоведение, как особую отрасль науки, они называют своего рода **«теоретическим паломничеством»** по различным и конкретным религиозным традициям. Авторы данной работы иронично подчеркивают, что «иногда также приходится ездить в те места, где распространена данная религия, и лично наблюдать

ее ритуалы, обряды и конфессиональные празднества. Часто длительные и трудные путешествия в самые отдаленные уголки мира создают значительные неудобства для ученого и членов его семьи, но они с лихвой окупаются волнующей возможностью своими глазами увидеть обычаи и обряды, о которых раньше доводилось только читать в книгах и научных журналах» [Религиозные традиции мира 1996].

Невозможно в одной статье дать исчерпывающую оценку творческой деятельности ученого-исследователя, буддолога, занимающегося различными областями буддийской культуры. Еще труднее – определить,принадлежит ли он к чисто исследовательскому научному процессу исследования или, в водовороте этого процесса (процессов), он вольно или невольно, а иногда и непроизвольно (кармически), глубоко втягивается в вектор внутреннего контекста тех или иных буддийских теорий и практик.

Работа выполнена в рамках государственного задания (проект «Трансформация направлений и школ буддизма: история и опыт взаимодействия с религиями и верованиями России, Центральной и Восточной Азии (с периода распространения буддизма до современности: Россия – XVIII-XXI вв.; Китай – II-XXI вв.; Тибет – VII-XXI вв.; Монголия – XVI-XXI вв.)», № 121031000261-9.

Литература

Абаева Л. Л. Буддийский Канон в векторе развития и трансформации этнокультурной истории монгольских народов / Л. Л. Абаева // Журнал «Власть». – Москва, 2015. – №3. – С. 52–56.

Абаева Л. Л. Мифологические воззрения, нравственные категории и этические императивы монгольских народов в векторе буддийских теорий и практик / Л. Л. Абаева // Журнал «Власть». – Москва, 2021. – №2. – С. 188–192.

Абаева Л. Л., С. Цыдендамба. Физика и механика восприятия пространства и времени монгольскими народами в векторе буддийских идей и практик / Л. Л. Абаева, С. Цыдендамба // Буддизм и традиционные религии народов России, Внутренней и Восточной Азии: сб. ст. / отв. ред. Л. Е. Янгутов. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2018. – С. 136–149.

Байрон Г. Иерхарт. Введение: путешествие по религиозным традициям мира. Религия и ее изучение / Г. Иерхарт Байрон. – Т. 1. – С. 7–22. – Составитель и издатель «Religious Traditions of the World».

Большая Советская энциклопедия (БСЭ). – М., Издательство «Советская Энциклопедия», 1974, – Т. 17.

Васильев Л. С. История религий Востока (религиозно-культурные традиции и общество / Л. С. Васильев. – М., «Высшая школа», 1983. – 368 с.

Головскер Я. Э. Логика мифа / Я. Э. Головскер. – Москва: Издательство «Наука», 1987. – 217 с.

Ермакова Т. В., Островская Е. П. Классический буддизм / Т. В. Ермакова, Е. П. Островская. – Санкт-Петербург, 1999. – 321 с.

Религиозные традиции мира. В двух томах / пер. с английского. – М., Крон-Пресс. – 1996. – 576 с.

References

Abaeva L. L. Buddijskij Kanon v vektore razvitiya i transformacii etnokul'turnoj istorii mongol'skih narodov / L. L. Abaeva // Zhurnal «Vlast'». – Moskva, 2015. – №3. – S. 52–56.

Abaeva L. L. Mifologicheskie vozzreniya, nravstvennye kategorii i eticheskie imperativy mongol'skih narodov v vektore buddijskih teorij i praktik / L. L. Abaeva // Zhurnal «Vlast'». – Moskva, 2021. – №2. – S. 188–192.

Abaeva L. L., S. Cydendamba. Fizika i mekhanika vospriyatiya prostranstva i vremeni mongol'skimi narodami v vektore buddijskih idej i praktik / L. L. Abaeva, S. Cydendamba // Buddizm i tradicionnye religii narodov Rossii, Vnutrennej i Vostochnoj Azii: sb. st. / otv. red. L. E. Yangutov. – Ulan-Ude: Izd-vo BNC SO RAN, 2018. – S. 136–149.

Bajron G. Ierhart. Vvedenie: puteshestvie po religioznym tradiciyam mira. Religiya i ee izuchenie / G. Ierhart Bajron. – T. 1. – S. 7–22. – Sostavitel' i izdatel' «Religious Traditions of the World».

Bol'shaya Sovetskaya enciklopediya (BSE). – M., Izdatel'stvo «Sovetskaya Enciklopediya», 1974, T. 17.

Vasil'ev L. S. Istoriya religij Vostoka (religiozno-kul'turnye tradicii i obshchestvo / L. S. Vasil'ev. – M., «Vysshaya shkola», 1983. – 368 s.

Golovsker Ya. E. Logika mifa / Ya. E. Golovsker. – Moskva: Izdatel'stvo «Nauka», 1987. – 217 s.

Ermakova T. V., Ostrovskaya E. P. Klassicheskij buddizm / T. V. Ermakova, E. P. Ostrovskaya. – Sankt-Peterburg, 1999. – 321 s.

Religioznye tradicii mira. V dvuh tomah / per. s anglijskogo. – M., Kron-Press. – 1996. – 576 s.